

УДК 811.161.1:81'35

**КОСАЯ ЧЕРТА И ДЕФИС: ПУНКТУАЦИОННЫЙ VS.
ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ ЗНАК**

© 2019 г.

*Е.Н. Широкова*Нижегородский государственный педагогический университет им. К. Минина, Н. Новгород
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

shirokelena@yandex.ru

Поступила в редакцию 13.07.2019

С помощью методов функционального, сопоставительного и контекстуального анализа описаны внеалфавитные графические знаки, оформляющие соотносительные или альтернативные понятия при отсутствии союзов *и*, *или*. На материале научной, публицистической и художественной литературы выявлено 14 вариантов оформления соотносительных понятий *свой – чужой* и проанализировано употребление наиболее частотных знаков – тире, косой черты, дефиса, а также даны рекомендации по использованию этих знаков. На основании анализа функций косой черты автор классифицирует данный знак как пунктуационный. Кроме того, в статье рассматриваются текстовые функции дефиса и делается вывод о том, что дефис можно считать пунктуационным знаком в том случае, когда его разделительная функция актуализируется комплексом других знаков пунктуации.

Ключевые слова: пунктуация, косая черта, дефис, пунктуационный знак, небуквенный орфографический знак, метаграфемика.

В современных мультимедийных поликодовых текстах формируется единая акцентно-выделительная графическая система, действующая на уровне слова – высказывания – текста, которая исследуется в разных аспектах. Так, внеалфавитные графические средства, в частности пунктуационные знаки, применяемые на уровнях высказывания – текста, их структурные, коммуникативно-прагматические и семантические функции рассматриваются в рамках метаграфемики (см., например, работы Н.Л. Шубиной [1–3]). Наряду с этим метаграфемные знаки являются активным средством медийного словотворчества, что обуславливает их исследование в рамках словообразования [4–7 и др.]. В качестве элементов графодеривации используются собственно знаки препинания, а также супраграфемные и топографемные знаки. Как следствие, в научной литературе «происходит сопоставление исследуемых новообразований с единицами других уровней языка, прежде всего с предложениями» [5, с. 161]. В частности, в работе Л.В. Рацибурской отмечаются такие приемы графодеривации, как квотация (например: *Брызги «Фонтан»ского* – о новом ресторане «Фонтан» в Одессе); парентезис (например: *Унифик(а)ция*); пунктуационное варьирование (синграфемия): *Пост,модерн* (Elle. 2017.12) – о моде поститься [7, с. 480]. При графодеривации у знаков пунктуации появляются новые функции, а также происходит перераспределение базовых функций: на первый план выдвигаются конструктивная (участие в

создании новых слов), игровая, воздействующая, экспрессивная. Причем основные функции знаков препинания (отделения и выделения) также сохраняются, однако кардинально меняется позиция знака: происходит иерархическое понижение сферы его употребления: предложение → слово. Об этом свидетельствуют случаи использования неалфавитных графических знаков на уровне слова в отделяющей и акцентно-выделяющей, передающей особенности интонации устной разговорной речи, функциях. Ср. графический облик слова *распродажа* в блогах: (1) Рас-про-ДА!-жа; РАС-про-да-жа; ~~~рас*про*да*жа flo*ra*nge!!! (2) Рас-про-да-жа; (3) РАС!!!ПРО!!!ДА!!!ЖА; РАС ПРО ДА ЖА!! Если основные функции метаграфемных знаков в (1) конструктивная, игровая, воздействующая, то в (2), (3) – передача особенностей скандирующей интонации: членение слова на слоги с помощью пауз (2, 3); репрезентация просодических особенностей (ударности каждого слога) и специфики интонационного рисунка (3), а также воздействующая функция. При этом дефис как орфографический знак актуализирует фонетико-фонологическое членение слова при сохранении его графического и смыслового единства (2). Пунктуационные же знаки (восклицательный знак, пробел) наряду с фонетико-фонологическим членением слова передают дополнительные акцентно-выделительные, экспрессивные особенности интонации (3).

Все это свидетельствует о размытости границ современной пунктуационной системы, о

синкретичности функций и позиций знаков пунктуации, что делает актуальным вопрос о классификации ряда метаграфемных знаков как пунктуационных, а также обуславливает вариативность употребления знаков, особенно в случаях, которые не регламентированы пунктуационными правилами.

Одной из зон такого употребления является использование небуквенных графических знаков (тире, косой черты, дефиса, кавычек) в научной, публицистической и художественной речи в соединительно-разграничительной функции, близкой к функции союзов *и/или* при обозначении соотносительных понятий. Причем колебания в оформлении наблюдаются даже (1) в рамках одной монографии, (2) у одного автора. Приведем примеры.

(1) *Вершинные слова концепт, понятие, категория подчеркивают когнитивный статус/аспект рассматриваемого явления; М.Л. Хохлина в статье «Особенности фразеологической категоризации «Своего» и «Чужого» отмечает, что оппозиция «свой» – «чужой» представляет собой основную бинарную оппозицию как мировой, так и конкретно русской культуры, основополагающую категорию сознания, сформировавшуюся в процессе осмысления действительности; Оппозиция «свой–чужой» пронизывает практически все области сознания и определяет когнитивное поведение человека, его отношение к другим людям и полученной информации, в частности, и толерантность/нетолерантность взглядов и поведения; Речевые клише и штампы как маркеры оценочных категорий свой/чужой* [8, с. 3, 38, 82, 88].

(2) 1. *«Своё/чужое» – смысловая основа ЧР (чужой речи. – Е.Ш.), семантический каркас всех способов передачи ЧР. 2. Различная степень обособленности/проницаемости «своего» и «чужого» составляет ведущий структурный принцип в организации способов передачи ЧР; Таким образом, в качестве смысловой основы при интерпретации явлений ЧР рассматривается понятийная оппозиция «своё – чужое»; Во всех трех конструкциях вводящий компонент содержит лексему (глагол *речи/мысли*), предполагающую установление связи по типу сильного управления и содержащую лексико-грамматическую недостаточность; При оформлении вводимого конструкции с косвенной речью специализированных средств выражения отношений *своё/чужое* не выявляется* [9, с. 5, 14, 15, 18]. Таким образом, оскорбление как тактика представлена в текстах межкультурной политической направленности экспрессивно-оценочными номинациями, кото-

рые, в свою очередь, эксплицируют концептуальную оппозицию соответствующего типа дискурса *«свои–чужие»*. Необходимо отметить, что в политическом дискурсе указанная оппозиция часто идентична категории *«они – мы»*; В текстах политического дискурса одной из форм репрезентации социокультурной идентичности/инородности являются экспрессивно-оценочные номинации; Именно *соблюдение/несоблюдение* этих социальных норм при общении представителей двух разных культур в рамках политического дискурса является причиной разворачивания процесса коммуникации по конфликтному или кооперативному сценарию [10, с. 134–136]; Оппозиция *действительность–возможность*; независимо от истинности/неистинности; Оппозиция в терминах *реальные – воображаемые миры* [11, с. 65–67].

Количество узуальных вариантов увеличивается не только за счет вариативного использования небуквенных графических знаков – знаков препинания (тире, косой черты, дефиса, кавычек), отсутствия/наличия пробелов, но и пунктуационно-орфографических комплексов (употребление прописных и строчных букв в сочетании с кавычками). Так, методом сплошной выборки из научной литературы, а также на основе материалов НКРЯ [12] нами было выделено 107 контекстов, включающих лексемы *свой* и *чужой*, между которыми возникают отношения соединения или взаимоисключения на основе бессоюзной связи. При этом наблюдалось 14 вариантов графического оформления этих коррелятов: *«свой» – «чужой»*; *«свой – чужой»*; *свой – чужой*; *‘свой – чужой’*; *«свой–чужой»*; *свой / чужой*; *«свой/чужой»*; *свой/чужой*; *«свой / чужой»*; *«Свой/Чужой»*; *«свой–чужой»*; *свой-чужой*; *свой, чужой*; *свой чужой*. В масс-медиа активными знаками являются тире и дефис, а в научной литературе – тире и косая черта, причем и в том и в другом случае самый частотный знак тире. При этом единичными вариантами оформления являются: *«Свой/Чужой»*; *свой, чужой*; *‘свой–чужой’*; *свой чужой*.

Такая вариативность свидетельствует о необходимости нормализации и кодификации знаков в подобных позициях. Кроме того, возникает проблема классификации узуального знака «косая черта» как пунктуационного или орфографического (обе точки зрения представлены в справочниках). Так, в «Справочнике переводчика и редактора» знак «косая черта» характеризуется как знак пунктуации, отсутствующий в русском языке: «При переводе на русский язык символ «/», отсутствующий в составе знаков пунктуации русского языка, должен быть

заменен союзом «и», «или» либо «и (или)» в соответствии со смыслом» [13, с. 9]. А.А. Леонтьев называет данный знак «косой линейкой» и включает его в состав знаков препинания русской пунктуации наряду с дефисом [14, с. 384]. В «Правилах русской орфографии и пунктуации», изданных под редакцией В.В. Лопатина в 2006 г., косая черта рассматривается как небуквенный орфографический знак, наряду с такими знаками, как дефис, апостроф, знак ударения. При этом в Правилах отмечается вариативность косой черты и дефиса в тех случаях, когда данные знаки выполняют функцию, близкую к союзам *и* и *или*, и используются для оформления альтернативных понятия или единого сложного понятия. Причем, судя по приведенным в Правилах примерам (*категория одушевлённости/неодушевлённости, проблема слитных/раздельных написаний* и т.п.), рекомендуемый вариант написания косой черты – это использование данного знака без пробелов между словами [15], что в принципе соответствует логике использования небуквенного орфографического знака.

Такой подход вызывает у нас возражения. Рассмотрим функции наиболее частотных небуквенных графических знаков, используемых в современной речи для передачи соотносительных или альтернативных понятий, – тире, косой черты, дефиса. При употреблении с такой целью тире выполняет свойственные ему функции: основную – разделяет слова, входящие в предложение единым структурно-семантическим блоком и поэтому занимающие позицию одного члена предложения; дополнительную – указывает на сопоставительные, противопоставительные или альтернативные отношения, которые не выражены с помощью сочинительных союзов. Как отмечает Н.С. Валгина, для тире характерна фиксация пропусков структурных элементов предложения, в том числе союзов. Поэтому, когда тире передает определенные смысловые отношения в предложении (условия, времени, сравнения, следствия, противопоставления и сопоставления) при отсутствии союзов, «это тоже фиксация своеобразных пропусков» [16, с. 264]. Такие функции характерны для пунктуации, которая накладывается «на буквенную систему информации» [17, с. 215].

Знак «косая черта» выполняет аналогичные функции, но по сравнению с тире обладает большей специализацией, так как ограничен зоной употребления, связанной с маркированием тесных ассоциативно-понятийных связей в лексиконе человека при репрезентации соответствующих понятий на поверхностном (вербальном) уровне. Функциональная соотнесенность

тире и косой черты позволяет рассматривать последнюю как пунктуационный знак. В научной литературе отмечаются особые случаи употребления косой черты, когда «косая черта вместе с отсутствием пробелов – знак интеграции, условно говоря, цельнооформленности как бы одного сложного слова» [18, с. 201]. Данная точка зрения иллюстрируется примером из художественной литературы (*В столовой/кабинете/мастерской/гостиной он зажжёт свет*. П. Крусанов) [18], передающим нечеткость, размытость границ между понятиями, что в принципе, применительно к приведенному примеру, не вызывает у нас возражений. Однако в примерах *эмоциональной/ментальной; утверждения/отрицания, актуальности/потенциальности, соблюдение/не-соблюдение* и под., встречающихся в научной литературе, слова, разделенные косой чертой, обозначают противопоставленные или соотносительные понятия, объединенные включенностью в общую категорию. Поскольку основная функция косой черты при этом отделение, а дополнительная – маркирование отношений дизъюнкции или конъюнкции, то косая черта, как и любой знак препинания, должна не просто заполнять собой пробел, но и сопровождаться пробелами между словами: *свой / чужой; одушевленный / неодушевленный* и т.п.

Вопрос о классификации дефиса также рассматривается неоднозначно. Дефис принято считать орфографическим знаком, маркирующим полуслитные написания слов, единство которых передает сложное понятие. Поскольку дефис сигнализирует о зонах переходности, связанных с делимитацией слов и словосочетаний, он выполняет одновременно функции соединения и разделения. Эти функции дефиса формируются на основе оппозиций: с одной стороны, он противопоставлен пробелу как «соединительный знак», с другой – слитному написанию как «разъединительный знак» [19, с. 139]. В случае аппозитивных отношений дефис маркирует иные отношения. В основе объединения лежат кореферентные отношения, в основе разделения – отношения конкретизации: *студент-отличник, инженер-дорожник*. Этот синкретизм функций, представляющих собой единство противоположностей, отличает дефис от знаков пунктуации, основными функциями которых являются отделение или выделение. Однако при использовании дефиса в качестве знака переноса он выполняет только соединительную функцию, которая и является для него исторически первичной [20, с. 70]. В то же время единство соединительной и разделительной функции позволяет некоторым исследователям

рассматривать дефис как пунктуационно-орфографический знак [21, с. 147; 17].

В настоящее время сфера употребления дефиса расширяется: с его помощью на основе словосочетаний или высказываний формируются своеобразные семантико-графические комплексы: *Мы же Санкт-черт поберу! – Петербург!*; *карта-как-она-используется* (примеры Т.В. Поповой). В научной литературе такие комплексы называются «словами» [23, с. 698], «окаzionaliальными номинациями» [6], однако отмечается невозможность «однозначного определения их языковой природы – отнесение к словам или предложениям» [6]. У таких комплексов отмечаются функции смыслового акцентирования, заполнения лексической лакуны, выделения особого класса предметов и под. [23, с. 705–706; 6]. К текстовым функциям данных комплексов относятся акцентно-выделительная и аттрактивная, причем данные текстовые функции присущи именно целостному комплексу, оформленному с помощью дефисов. Такие комплексы выводят читателя из автоматического режима восприятия и тем самым актуализируют его внимание. Сам дефис при этом сохраняет свои функции соединения и разделения, а совокупность дефисов используется как конструктивный прием создания семантико-графических комплексов на основе высказывания. Отдельный дефис не выполняет при этом акцентно-выделительную функцию.

В случае же употребления дефиса в конструкциях типа *свой-чужой* у дефиса сохраняются его базовые функции соединения и разделения, и единство этих функций исключает отношения дизъюнкции. Поэтому употребление дефиса является нежелательным в такой позиции, а частотность такого употребления можно объяснить спецификой компьютерного набора тире и дефиса, когда дефис автоматически замещает тире, особенно при наборе без пробелов.

На наш взгляд, дефис является текстовым пунктуационным знаком (метаграфемой) в тех случаях, когда в тексте у него актуализируется функция отделения, а сам дефис приобретает дополнительные композиционные и смыслопорождающие функции. При этом дефис употребляется в комплексе с другими метаграфемными знаками. Рассмотрим это на примерах из поэзии Р. Рождественского [24].

Жарко...

Даже рекам

Духота понятна.

Небо за неделю полиняло.

Яблони распарились,

Обвисли.

Медленно

пе-

ре-

пол-

за-

ют

мысли

с яблоней

на сморщенные перья.

Даже не переползают –

пере-

валиваются и засыхают (Жара).

Членение глаголов *переползают* и *переваливаются* с помощью дефисов, строк и расположения на плоскости функционально сближает эти слова с пиктографическими знаками. Глагол *переползают* членится на слоги, расположенные лесенкой, в глаголе *переваливаются* отделяется префикс, тем самым актуализируется семантика как префикса, так и корня, который расположен под префиксом. Такое оформление способствует образно-ассоциативному восприятию движений, передаваемых глаголами, и участвует в изображении коррелирующих состояний лирического героя и природы.

В поэме «До твоего прихода» есть 10 однотипно оформленных фрагментов, в которых слово *люблю* разрывается вставными конструкциями. Приведем два первых фрагмента:

Люб-

(Воздуха!

Воздуха!

Самую малость бы!

Самую-самую...)

лю!

(Хочешь, –

Уедем куда-нибудь

заново,

замертво,

за море?..)

Люб-

(Богово – богу,

а женское – женщине

сказано,

воздано.)

лю!

(Ты покоренная.

Ты непокорная...

Воздуха!

Воздуха!)

Разорванный с помощью дефиса и вставок эмотив *люблю* не только называет эмоциональное состояние лирического героя, но и передает вызванное сильными эмоциями физиологическое состояние – затруднение дыхания и сердцебиение. Повторяющийся 10 раз эмотив задает

ритм чтения, соответствующий вдоху-выдоху, а также биению сердца, «отвечающего» в русской лингвокультуре за эмоции. Вставки, разрывающие эмотив, репрезентируют психофизиологические рефлексы и поток сознания лирического героя. При этом в передаче эмоциональной напряженности и прерывистости речи участвуют как собственно знаки препинания, среди которых частотными являются многоточие, тире, восклицательный знак, так и топографические – расположение лесенкой. Средством нагнетания эмоционального состояния лирического героя и соответственно воздействия на читателя являются также многочисленные анафоры, эпифоры, анаэпифоры, разноразличные повторы, в том числе синтаксический параллелизм.

Кроме того, однотипное графическое оформление фрагментов текста является средством формирования связности текста, а также актуализирует парадигматические связи, выходящие за пределы линейного восприятия текста.

Таким образом, при оформлении отношений между соотносительными или альтернативными понятиями в случае отсутствия союзов *и*, *или* предпочтительными знаками препинания являются тире и косая черта, сопровождаемая пробелами. Основной функцией данных знаков является разделительная, дополнительными – смысловые функции, маркирующие отношения конъюнкции и дизъюнкции. Такая функциональная нагруженность косой черты позволяет считать ее пунктуационным знаком. Синкретизм функций дефиса определяет его использование в качестве орфографического, пунктуационно-орфографического и пунктуационного знака. Причем в качестве пунктуационного знака дефис выступает в том случае, когда используется в комплексе с другими пунктуационными знаками, актуализирующими его разделительную функцию.

Список литературы

1. Шубина Н.Л. Русская пунктуация как объект нормализации // Университетский научный журнал. 2014. № 9. С. 120–130.
2. Шубина Н.Л. Функции метаграфемы в коммуникативно-прагматической организации текста // Научное мнение. 2014. № 10. С. 28–35.
3. Шубина Н.Л. Текстовая пунктуация как объект интерпретирующей мысли // Научное мнение. 2015. № 4. С. 54–60.
4. Маринова Е.В. Визуальные неологизмы: новая графика «старых» слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2005. № 1. С. 127–132.
5. Попова Т.В. Графикация как новое явление в языке и научной когниции // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 24 (239). Филология. Искусствоведение. Вып. 57. С. 160–163.
6. Попова Т.В. Полифункциональность русского дефиса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4-2. С. 229–269.
7. Рацбургская Л.В. Специфика поликодности в современном медийном словотворчестве [Электронный ресурс] // Динамика языковых и культурных процессов в современной России: Материалы VI Конгресса РОПРЯЛ (Уфа, 11–14 октября 2018 г.). СПб.: РОПРЯЛ, 2018. Вып. 6. С. 479–482. Режим доступа: http://topryal.ru/wpcontent/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (дата обращения: 12.01.2019).
8. Романова Т.В., Малафеев А.Ю., Морозова Н.Н. [и др.]. Толерантность как культурная, политическая, лингвистическая проблема. Н. Новгород: ДЕКОМ, 2017. 304 с.
9. Максимова Н.В. Способы передачи чужой речи: смысл и текст: Учеб.-метод. пособие. Новосибирск: Изд-во НИПКИПРО, 2011. 82 с.
10. Кошкарлова Н.Н. Экспрессивно-оценочные номинации как средство экспликации оппозиции «свой-чужие» в межкультурном политическом пространстве // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. № 2(24). С. 134–138.
11. Диброва Е.И. Категории художественного текста // Художественный текст: Структура. Содержание. Смысл: избранные работы. Т. 1. М., 2008. С. 63–84.
12. НКРЯ: Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/old/>
13. Справочник переводчика и редактора [Электронный ресурс]. М., 2008. 92 с. Режим доступа: http://www.smolperevod.ru/files/ABBYU_LS_Translator_Manual.pdf (дата обращения: 01.08.2018).
14. Леонтьев А.А. Функциональная классификация русских знаков препинания // Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: Хрестоматия научных работ / Сост. Друговойко-Должанская С.В., Попов М.Б. СПб., 2017. С. 382–390.
15. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник [Электронный ресурс] / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2006. Режим доступа: <http://orthographia.ru/orf.php?paragraph=pp114.php> (дата обращения: 01.08.2018).
16. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 304 с.
17. Реформатский А.А. О перекодировании и трансформации коммуникативных систем // Исследования по структурной типологии. М., 1963. С. 208–215.
18. Перфильева Н.П. Дискретность и континуальность в языке и тексте // Континуальность и дискретность в языке и речи. Язык как живая система в исследовательских парадигмах современной лингвистики: Материалы Междунар. конф. (15–16 октября 2009 г.) / Под ред. Т.А. Трипольской. Новосибирск, 2009. С. 193–201.
19. Касаткин Л.Л., Клобуков Е.В., Лекант П.А. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.
20. Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. Энциклопедия, 1979. 432 с.

21. Реформатский А.А. Дефис и его употребление // О современной русской орфографии. М., 1964. С. 146–150.

22. Саньярова Н.С. Пунктуационно-орфографическое оформление редуликатов-прилагательных в художественном тексте (на материале интернет-публикаций) [Электронный ресурс] // Синергия наук. 2018. № 30. С. 1998–2013. Режим доступа: https://elibrary.ru/download/elibrary_36736047_24107491.pdf (дата обращения: 18.01.2019).

23. Занегина Н.Н. Словосочетания-записанные через дефис как способ категоризации и новый прием языковой выразительности в русском языке [Электронный ресурс] // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды XVIII Междунар. конф. «Диалог 2012»: в 2 т. 2012. С. 696–706. Режим доступа: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/131.pdf> (дата обращения: 21.12.2018).

24. Рождественский Р. Эхо любви: стихотворения, поэмы. М.: Изд-во «Э», 2017. 608 с.

SLASH AND HYPHEN: PUNCTUATION MARK VS. ORTHOGRAPHIC SIGN

E.N. Shirokova

The article describes non-alphabetic graphic marks which model correlative and alternative notions without the conjunctions *and*, *or*. The methods of functional, comparative and contextual analysis are used. On the basis of the scientific, journalistic and belles-lettres literature, 14 variants of modelling the correlative notions *friend-foe* are identified, the usage of the most common marks (dash, hyphen, slash) is analysed, the recommendations how to exercise these marks are given. In accordance with the analysis of the slash's functions, the author classifies it as a punctuation mark. The hyphen's functions in the text are also examined and the conclusion is made that the hyphen can be treated as a punctuation mark only when its disjunctive function is actualized by a set of other punctuation marks.

Keywords: punctuation, slash, hyphen, punctuation mark, non-alphabetic orthographic sign, metagraphemics.

References

1. Shubina N.L. Russkaya punktuaciya kak ob'ekt normalizacii // Universitetskij nauchnyj zhurnal. 2014. № 9. S. 120–130.

2. Shubina N.L. Funkcii metagrafemiki v kommunikativno-pragmaticheskoj organizacii teksta // Nauchnoe mnenie. 2014. № 10. S. 28–35.

3. Shubina N.L. Tekstovaya punktuaciya kak ob'ekt interpretiruyushchej mysli // Nauchnoe mnenie. 2015. № 4. S. 54–60.

4. Marinova E.V. Vizual'nye neologizmy: novaya grafika «staryh» slov // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Filologiya. 2005. № 1. S. 127–132.

5. Popova T.V. Grafiksaciya kak novoe yavlenie v yazyke i nauchnoj kognicii // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 24 (239). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 57. S. 160–163.

6. Popova T.V. Polifunktional'nost' russkogo defisa // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2010. № 4-2. S. 229–269.

7. Raciburskaya L.V. Specifika polikodovosti v sovremennom medijnom slovtvorchestve [Elektronnyj resurs] // Dinamika yazykovykh i kul'turnykh processov v sovremennoj Rossii: Materialy VI Kongressa ROPRYaL (Ufa, 11–14 oktyabrya 2018 g.). SPb.: ROPRYaL, 2018. Vyp. 6. S. 479–482. Rezhim dostupa: http://ropryal.ru/wpcontent/uploads/2018/10/6ROPRYAL_A5.pdf (дата обращения: 12.01.2019).

8. Romanova T.V., Malafeev A.Yu., Morozova N.N. [i dr.]. Tolerantnost' kak kul'turnaya, politicheskaya, lingvisticheskaya problema. N. Novgorod: DEKOM, 2017. 304 s.

9. Maksimova N.V. Sposoby peredachi chuzhoj rechi: smysl i tekst: Ucheb.-metod. posobie. Novosibirsk: Izd-vo NIPKiPRO, 2011. 82 s.

10. Koshkarova N.N. Ekspressivno-ocenochnye nominacii kak sredstvo eksplicacii oppozicii «svoi-chuzhie» v mezhekul'turnom politicheskom prostranstve // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya. 2017. № 2(24). S. 134–138.

11. Dibrova E.I. Kategorii hudozhestvennogo teksta // Hudozhestvennyj tekst: Struktura. Soderzhanie. Smysl: izbrannye raboty. T. 1. M., 2008. S. 63–84.

12. NKRYA: Nacional'nyj korpus russkogo yazyka [Elektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.ruscorpora.ru/old/>

13. Spravochnik perevodchika i redaktora [Elektronnyj resurs]. M., 2008. 92 s. Rezhim dostupa: http://www.smolperevod.ru/files/ABBY_L_S_Translator_Manual.pdf (дата обращения: 01.08.2018).

14. Leont'ev A.A. Funkcional'naya klassifikaciya russkikh znakov prepiniyaniya // Sovremennoe russkoe pis'mo: grafika, orfografiya, punktuaciya: Hrestomatiya nauchnyh rabot / Sost. Drugovejko-Dolzanskaya S.V., Popov M.B. SPb., 2017. S. 382–390.

15. Pravila russkoj orfografii i punktuacii. Polnyj akademicheskij spravochnik [Elektronnyj resurs] / Pod red. V.V. Lopatina. M., 2006. Rezhim dostupa: <http://orthographia.ru/orf.php?paragraph=pp114.php> (дата обращения: 01.08.2018).

16. Valgina N.S. Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke: Ucheb. posobie. M.: Logos, 2001. 304 s.

17. Reformatskij A.A. O perekodirovanii i transformacii kommunikativnykh sistem // Issledovaniya po strukturnoj tipologii. M., 1963. S. 208–215.

18. Perfil'eva N.P. Diskretnost' i kontinual'nost' v yazyke i tekste // Kontinual'nost' i diskretnost' v yazyke i rechi. Yazyk kak zhivaya sistema v issledovatel'skikh paradigmatih sovremennoj lingvistiki: Materialy Mezhdunar. konf. (15–16 oktyabrya 2009 g.) / Pod red. T.A. Tripol'skoj. Novosibirsk, 2009. S. 193–201.

19. Kasatkin L.L., Klobukov E.V., Lekant P.A. *Kratkij spravochnik po sovremennomu russkomu yazyku* / Pod red. P.A. Lekanta. M.: Vyssh. shk., 1991. 383 s.
20. *Russkij yazyk. Enciklopediya* / Gl. red. F.P. Filin. M.: Sov. Enciklopediya, 1979. 432 s.
21. Reformatskij A.A. Defis i ego upotreblenie // *O sovremennoj russkoj orfografii*. M., 1964. S. 146–150.
22. San'yarova N.S. Punktucionno-orfograficheskoe oformlenie reduplikatov-prilagatel'nyh v hudozhestvennom tekste (na materiale internet-publikacij) [Elektronnyj resurs] // *Sinergiya nauk*. 2018. № 30. S. 1998–2013. Rezhim dostupa: https://elibrary.ru/download/elibrary_36736047_24107491.pdf (data obrashcheniya: 18.01.2019).
23. Zanegina N.N. Slovosochetaniya-zapisannye-cherez-defis kak sposob kategorizacii i novyj priem yazykovej vyrazitel'nosti v russkom yazyke [Elektronnyj resurs] // *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy XVIII Mezhdunar. konf. «Dialog 2012»*: v 2 t. 2012. S. 696–706. Rezhim dostupa: <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/131.pdf> (da-ta obrashcheniya: 21.12.2018).
24. Rozhdestvenskij R. *Ekho lyubvi: stihotvoreniya, poemy*. M.: Izd-vo «E», 2017. 608 s.